

**ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО
КАК ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ
И ДУХОВНАЯ ОСНОВА МИРА**

В. А. Маслова

mvavit@tut.by

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
(Витебск)

Доклад условно состоит из двух частей: 1. Русское слово как ценность. 2. Русское слово как духовная основа языка и мира.

1. Слово – одна из важнейших ценностей любого народа. «В начале было Слово...» – это утверждение и его ценности, и

творческой силы, и начала всего сущего. В подтверждение важности и силы слова можно привести стихотворение Ивана Бунина «Слово»: *Молчат гробницы, мумии и кости, – / Лишь слову жизнь дана: / Из древней тьмы, на мировом погосте, / Звучат лишь письмена...*

Ф. де Соссюр утверждал: «Слово... есть единица, ...представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка» [7, с. 119]. Оно было дано человеку в дар, но затем менялось в процессе культурно-исторического развития народа. Слово имеет свое значение, а будучи помещенным в текст, и смысл, отражает факт мира (реального или воображаемого), обладает силой и живет в некотором смысле своей жизнью, независимой от человека. Не случайно В. А. Звегинцев писал: «Даже тогда, когда язык как будто удается подчинить жестким правилам формального устава, язык в действительности ускользает от своего укротителя, оставляя в его руках лишь внешнюю оболочку, структуру. Главный же свой секрет он прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» [2, с. 301]. Приведем примеры. Мы не знаем глубинных причин следующих явлений: почему из трех гласных можно составить полноценное предложение? – *Э, а я?* Всякое ли членение предложения меняет его смысл? *И дико мне – иди ко мне. Покалечилась – пока лечилась.*

Язык следует принимать со всеми его противоречиями, которые объяснить мы пока полностью не можем: почему, например, предложения с отрицанием ничего не отрицают: *хрен получишь и ни хрена не поучишь* – синонимичны по смыслу; *он не мог не прийти*, т.е. пришел, несмотря на целых два отрицания.

Именно язык позволяет нам понимать мир. Как писал Д. С. Лихачев, «самая большая ценность народа – это его язык, язык, на котором он пишет, говорит, думает» [5, с. 47]. Категория *ценности* является сегодня одним из важнейших понятий не только в лингвистике, но и в философии, культурологии, социологии, педагогике и целом ряде других гуманитарных наук. Ценности – это не просто высшие ориентиры в культуре и обществе, но они занимают значительное место в структуре языковой личности. Ценности лежат в основе тех предпочтений, с помощью которых языковая личность

описывает мир. Отсюда интерес к ценностям в лингвистике и лингвокультурологии.

Для каждой культуры можно разработать параметры, которые будут своеобразными координатами культуры. Такие параметры будут считаться исходными ценностными признаками. Научная белорусская литература утверждает, что главные ценности белоруса – *бескорыстие, коллективизм, «памяркоунасць», патриотизм*. Наш материал показал, что это не так. На первом месте – *материальное благополучие* (собственное и детей), в то же время *богатство* стоит чуть ли не на последнем месте.

Например, *добро* относится к важнейшей общечеловеческой ценности (*добро и зло*), оно является нормой нравственности. Однако *добро* в каждой из исследуемых культур имеет свою национальную специфику, в этой своей ипостаси ценность находит отражение в национальном языке: *Добро должно быть с кулаками* (поговорка широко распространенная во времена воинствующих коммунистов).

По мере того, как слова утрачивают свои истинные значения, они лишаются ценности, а вместе с ними теряют ценность и выражаемые этими словами понятия. И в этом смысле мы становимся жертвой языка.

Даже самые обычные слова в языке многократно переосмысливаются. Так, *прелесть* первоначально – это *пре-лесть*, т.е. нечистая, дьявольская вещь, со второй половины XX века *прелестный* – высшая степень *прекрасного*. Так, *прелестный*, по М. Фасмеру, – «прельщающий, обман». По В. В. Виноградову, – греховный. А. Пушкин: *И миру музы своенравной / Во лжи прелестной обличу* («Руслан и Людмила»). Почему мы не можем сказать о мужчине – *прелестный, обольстительный, очаровательный, соблазнительный*? Потому что внутренние формы этих слов восходят к чарам, колдовству, обману... Соблазнительница все-таки женщина – Ева. Как тут не вспомнить известное изречение Стендаля: «Слово – зеркало. И если в него смотрится обезьяна, то из него не может выглянуть лик апостола».

Слово – метод концентрации энергии духа, как считал П. А. Флоренский, в нем заложена необыкновенная суггестивная мощь. Поэты это увидели раньше ученых:

*Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города* (Н. С. Гумилев).

Было установлено, что ценности и устойчивы и подвижны одновременно. Их динамичность обусловлена не только культурой, но и конкретной исторической эпохой. Так, в античной Греции превалировали эстетические ценности, в средневековой Европе – религиозные ценности, в современном обществе утвердились, скорее, антиценности – *богатство, наслаждение, власть*. При этом повторим, что главная ценность русской культуры – русский язык.

2. Вторая часть доклада посвящена языку как духовной сущности. Лингвистика вообще и русистика в частности и ранее интересовалась духовной сущностью языка. Так, о языке как «духовной деятельности», «имманентном произведении духа», который составляет саму природу человека, писали В. фон Гумбольдт, а позднее Г. Шпет. Язык – живое порождение духа, его главнейшая деятельность, лежащая в основе ряда других видов деятельности (искусство, философия, наука). По образному выражению В. Гумбольдта, языки это и орудия, необходимые для духовной деятельности, и колеи, по которым она совершает свое течение. Он писал: «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать... Язык – нечто большее, нежели инстинкт интеллекта, ибо в нем сосредоточивается не свершение духовной жизни, но сама эта жизнь» [1, с143].

Поэтому можно сказать, что в лингвистике заложены традиции видения языка не просто как системы знаков или инструмента познания (когнитивная лингвистика), но и как духовной сущности. Как свидетельствует русский язык, русский человек – это духовное по своей сути существо, которое живет не только *хлебом единым*, русский человек всегда *духовной жаждою томим*, до сих пор многое он совершает бескорыстно (современное волонтерство). В перспективе такого подхода к духовному человеку – построение модели религиозной языковой личности на материале религиозной коммуникации.

Традиционно считается, что язык – важнейшее средство общения, но при этом забывается, что общение с Богом здесь должно

стоять на первом месте. Именно оно делает человека чище, светлее; оно абсолютно необходимо для адекватного видения мира. Думается, что коммуникативная функция в языке вторична; еще в прошлом веке Н. Хомский заметил, что язык не очень хорошо приспособлен для общения: в нем много диффузности, омонимии, многозначности, иносказательности. Если принять этот постулат, то первичной и важнейшей функцией языка должна быть сакральная функция – Богообщения. И тогда многое должно быть пересмотрено в теории языка. В общении человека с Богом и себе подобными «работают» разные функции. Как пишет протоиерей К. Копейкин, язык в общении с Богом выполняет «функцию прикосновения к тайне, к изначальным глубинам бытия, открывая человеку и необычайную высоту мира горнего, и исключительную глубину внутреннего пространства человеческой души» [4, с. 4]. Слово устанавливает связь человека с Богом, через слово начинается диалог с Богом.

Сказанное позволяет нам увидеть новый виток антропоцентрической парадигмы, приближающий ее к *теоантропокосмической*, как парадигме будущего, о которой писала В. И. Постовалова [6]. В ней человек начинает видеть свое место не над миром, а внутри него. Патриарх Русской православной церкви Кирилл сказал, что любое научное построение, в центре которого стоит человек, а не Бог, обречено. Соответственно, если в западноевропейской философской традиции важным является антропоцентризм, при котором главной ценностью считается человек (отсюда возникновение «гуманистической лингвистики» (Дж. Лакофф), изучающей «человека говорящего», «языковую личность», в русской традиции в центре стоит высочайшая трансцендентная ценность Бог, в скором времени она будет дополнена такой важнейшей ценностью – Космос (Вселенная). Уже открыт закон Всеединства и цельного знания, в этом русле развивалась вся русская религиозно-философская мысль дореволюционного периода. Поэтому именно русская лингвокультура готова к такому объединению Божественной теории, теории языка, теории человека и теории вселенной [3].

В своих предвидениях новых путей в гуманитарном познании Ю. С. Степанов выделяет два основных направления: 1) введение в парадигму современного гуманитарного знания элементов

авангардного стиля мышления, что позволит по-новому увидеть старые традиционные знания; 2) стремление ввести в парадигму элементы богословского мышления [8]. Именно второе направление – видение языка как духовной реальности – представляется нам одним из самых перспективных в современной русистике, потому что русский язык – это духовная реальность. Он позволяет сохранить исчезающую духовность, которая трансцендентна по своей природе: таинственным и непостижимым образом она связана с иным планом бытия. Ухватить ее, да и то не в полной мере, может лишь язык.

Отсюда вытекает важность того, что сказал В. И. Вернадский: специализация исследований в XXI веке должна идти «не по наукам, а по проблемам», потому что снятие информационных барьеров между науками дает мощный импульс для развития исследований.

Вообще же сейчас следует вести разговор о полипарадигмальности в современной русистике, о которой писала на рубеже веков Е. С. Кубрякова. Полипарадигмальный подход позволяет осуществлять комплексный анализ выбранного объекта одновременно по разным направлениям в различных областях знания широкого спектра речеведческих, психолингвистических, риторических и лингвокультурологических дисциплин.

Выводы. Итак, русский язык нужно рассматривать в системе – *язык – человек – Бог – космос – культура*, потому что русский язык, русское слово – включает в себе дух русского народа, а русский человек – «симфоническая личность», по Л. П. Карсавину, но дирижер здесь Бог, поэтому понять русского человека нельзя без учета религиозных ценностей и источников, формирующих его нравственные устои.

Язык – живое порождение духа, его главнейшая деятельность, лежащая в основе ряда других видов деятельности (искусство, философия, наука).

Язык – это духовная реальность. Традиционно считается, что язык – важнейшее средство общения, но при этом забывается, что общение с Богом здесь должно стоять на первом месте. Общение человека с человеком вторично. *Первичной и важнейшей функцией языка должна быть сакральная функция – Богообщения.* И тогда

многое должно быть пересмотрено в теории языка. В общении человека с Богом и себе подобными «работают» разные функции.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
2. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М.: МГУ, 1996. – 333 с.
3. Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Белоруссии. М.: РУДН, 2022. – 404 с.
4. Копейкин К. На каком языке говорит с нами Бог // Беседы любителей русского слова: православной духовенство о языке / Материалы круглого стола (Санкт-Петербург, 24 октября 2005 г.) СПб. 2006. – С. 11–24.
5. Лихачев Д. С. Письма о добром. М., 2017. – 492 с.
6. Постовалова В. И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Хрестоматии теолингвистики. Београд: Универзитет у Београду. 2011. – С. 6–12.
7. Степанов Ю. С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга, 2010. – 168 с.
8. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М. 1999.